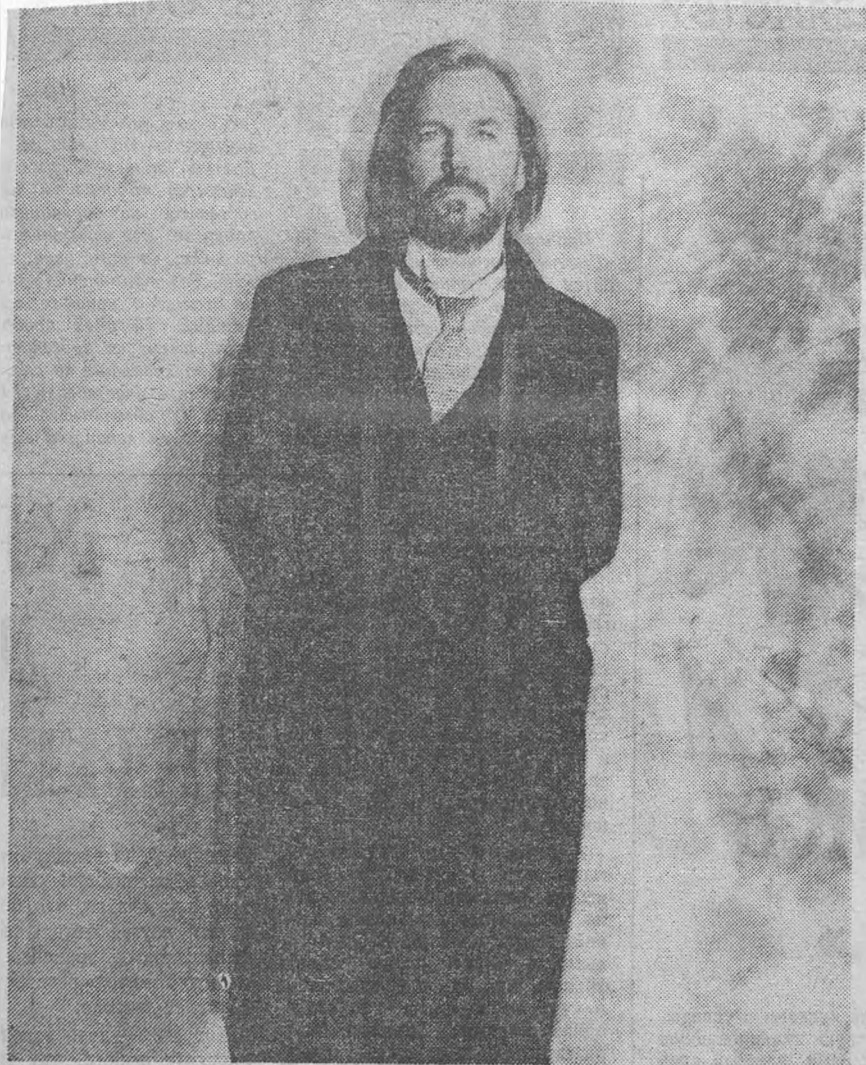

● Станислав Любшин в фильме «Черный монах».

неделю 1988, №2 (жж.)

ИЗ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Иван Дыховичный закончил работу над экранизацией повести А. П. Чехова «Черный монах». Имя молодого режиссера уже хорошо известно среди профессионалов: его короткометражная лента «Испытатель» завоевала Гран-при — «Золотого дракона Вавеля» на Краковском фестивале 1986 года.

Прежде Дыховичного знали как актера. Он был занят во многих ведущих ролях театра на Таганке: играл Керенского в «Десяти днях, которые потрясли мир», Епиходова в «Вишневом саде», Коровьева в «Мастере и Маргарите», Пушкина в «Товарищ, верь!». Стоило ли покидать театр, тем более что и в нем признание давалось совсем не легко?

Один набор на Высшие режиссерские курсы был пропущен Дыховичным из-за того, что не оказалось направления со студии — формального повода быть допущенным к экзаменам. В следующий раз он поступил в мастерскую комедийного фильма, которой руководил Эльдар Рязанов. После первой курсовой работы Рязанов не был уверен, что его ученику есть смысл продолжать работу в кинематографе, во всяком случае комедийном.

Но вот место Рязанова, ушедшего на съемку картины, на время занял Андрей Тарковский. Он не пытался приобщить своих студентов к тайнам чуждой для него профессии комедиографа, а учил их тому, что сам любил и умел, — кинематографу пластическому, изобразительному, выражающему сложность и тонкость человеческих чувств, взаимоотношений через экранный образ. Уроки Тарковско-

го ощутимы во всех трех снятых Дыховичным-режиссером новеллах — «Элиа Исаакович и Маргарита Прокофьевна», «Братья», «Испытатель». Речь не о том, конечно, что Дыховичный пытается в них копировать своего учителя, а о том, что способ выражения чувств и мнений для него ничуть не менее важен, чем то, о чем рассказывается.

Если попытаться пересказать эти ленты словами, вряд ли они покажутся серьезными, а может, даже и достойными искусства. Ну что интересного в сюжете о еврее-аферисте и панельной проститутке («Элиа Исаакович и Маргарита Прокофьевна»), у которой он купил убежище на ночь? Но какой человеческой оказалась эта банальная история на экране! В людях надломленных, изверившихся режиссер открывал то, о чем они, казалось, забыли сами — доброту, душевную отзывчивость, жажду любви, счастья.

Фильм этот примечателен еще и тем, что снят он по новелле Исаака Бабеля, писателя, поразительного по богатству языка и взрывчатой образности, кинематографом практически пока не открытого. Есть в этом фильме замечательная цельность атмосферы, стилистическое единство — и пластики, и игры актеров, и емкого скупого диалога, и врывающихся в тягостную тишину звуков жестокого романа, несущихся со скрипучей, заезженной до дыр пластинки.

Иная, но столь же слитная, цельная интонация в новелле «Братья»: старая, пришедшая в ветхость и уныние дача, два брата, чуждые друг другу во всем, живущие словно бы в несовместимых мирах, голос матери, как будто ожив-

ший в строчках найденного в старой книге письма, звучащий из давнего, навсегда ушедшего времени. Мать смотрит на братьев со стоящей на шкафу фотографии, ее голос полон доброты, тревоги, заботы: «Что вам делить на земле? Вы же братья».

И в «Испытателе», снятом по сценарию Александра Червинского, столь же важна атмосфера дома, большой довоенной московской квартиры, ее гулкая тишина, полное значения молчание героев. Без слов понимающих друг друга, без слов умеющих высказать самое сокровенное, необходимое, важное.

Дыховичный хорошо знает цену и звучащему слову, и паузе, и яркому световому лучу — всему, из чего складывается выразительность экранного высказывания.

Ничего удивительного в том, что для своего полнометражного дебюта Дыховичный выбрал Чехова. Неожидан лишь сам выбор экранизируемой повести — «Черный монах», — сложной, необычной для писателя.

Коврин, сыгранный Станиславом Любшиным, предстает на экране и воплощением ума, благородства, душевной отзывчивости, и смятенным видением «черного монаха», терзающего его искушением славы, величия, и вконец сломленным душевной болезнью, утеревшим возможность контакта с людьми, даже с самыми близкими. В них, а не в нем самом для него причина жизненных неудач, его не реализовавшегося таланта. Бедная Таня, так любившая его, верившая, видевшая в нем надежду всей своей жизни! Как не вяжутся с нежным и ясным обликом сыгравшей ее Татьяны Друбич рожденные безысходностью, болью опустошенного сердца слова: «Я ненавижу тебя всю моею душой и желаю, чтобы ты скорее погиб».

«Черный монах» сделан мастером, умеющим говорить на киноязыке, ощущающем его тонкости, оттенки, богатства. Камера Вадима Юсова (Дыховичному — он сам говорил об этом — было радостно работать с соавтором своего учителя, оператором «Иванова детства», «Андрея Рублева», «Соляриса») чувствительна к свету, атмосфере, настроению кадра, она умеет схватывать тончайшие состояния лиц (на международном кинофестивале в Венеции, где «Черный монах» участвовал в конкурсной программе, Юсов получил приз за лучшую операторскую работу). Капля крови в углу губ Коврина скажет о переживаемом им выразительнее любых слов. Этот лаконизм поистине чеховский, а, главное, он не сводится к какой-то одной-двум удачным деталям, находкам, но пронизывает всю картину от начала до конца: и ее драматургию (сценарий написан режиссером совместно с Сергеем Соловьевым), и построение мизансцен, и музыку, и игру актеров.

Режиссер верен Чехову и в нравственной позиции. Он не навязывает ни готовых выводов, ни априорного отношения к героям. Кто он, Коврин? Возмечтавшая о величии посредственность или подлинный талант, сломленный собственным бременем, мучитель или жертва? Любить нам его? Жалеть? Презирать? Страдать? Режиссер оставляет простор для размышлений. Для него сам фильм — не сумма готовых ответов, а поиск их, рожденный размышлениями о призвании, пути в искусстве, собственном месте в нем.

«Черным монахом» Дыховичный доказал свое право обращаться к литературе самой серьезной. Что он и собирается делать в дальнейшем. В ближайших его планах постановка «Свидригайлова» по Достоевскому. Уже из названия ясно, что подход к «Преступлению и наказанию» здесь нешаблонный, дающий возможность увидеть роман под углом особым, нетрадиционным.

Александр ЛИПКОВ.